

ЛУНАЧАРСКИЙ. ИЗ НЕИЗДАННЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О В. И. ЛЕНИНЕ

Я узнал о смерти Владимира Ильича со значительным опозданием. В день 9-го января* я должен был утром сделать доклад на съезде Советов РСФСР о ликвидации неграмотности и в 7 часов выступить на большом собрании студентов вузов в Зиминском театре с характеристикой значеня событий 9-го января 1905 года. Я приехал в Большой театр в начале 12-го часа для доклада и с удивлением констатировал, что навстречу мне в то время, как я поднимался по лестнице, густо повалила толпа товарищей со сцены театра. Лица у всех были расстроены и некоторые плакали. У меня сразу сжалось сердце, и я понял, что случилось что-то тяжелое. Я подошел к т. Лепешинской, глаза которой были полны слез, и спросил ее, в чем дело. От нее-то я и узнал, что накануне вечером скончался Владимир Ильич. Потрясенный этим известием, я отправился домой и не знал даже, за что мне приняться, так как в первую минуту на меня прежде всего нахлынула какая-то своеобразная апатия. Между тем оказывается, что меня вызванивали в Наркомпросе и в Кремле и в конце концов прислали даже за мной автомобиль. <...>

Я отправился в МК. Там товарищи только начали собираться. Я получил поручение выступить вместо 7 часов в 4½ в том же Зиминском театре с тем, чтобы речь посвятить главным образом потрясшему всех событию. <...>

Товарищи предложили мне приехать вечером на Павелецкий вокзал для того, чтобы вместе с ними провести ночь у гроба учителя и сопроводить его тело в Москву. <...> Я направился прямо в театр Зимина. Народ собирался медленно, не потому, конечно, чтобы не было охотников прийти в зал, а потому, что их было слишком много, и, как обыкновенно, дело затянулось с пропуском масс внутрь театра. В 5½ часов кто-то в зале стал громко читать вышедший за несколько минут перед тем бюллетень о смерти Владимира Ильича. До начала заседания Президиум ВЦИК позвонил мне, чтобы я озаботился организацией тщательной фотографической и кинематографической засъемки всех обстоятельств, относящихся к смерти и погребению Владимира Ильича. Я немедленно снесся с заведующим Госкино т. Кадомцевым и выяснил, что различные киноорганизации сговорились создать единый комитет на создание соответственного исторического фильма и все средства от эксплуатации его сдать в особый фонд имени Ильича. Я сказал Кадомцеву, что кинематографисты, которых он пошлет в Горки, могут обращаться ко мне в случае каких-либо недоразумений, так как я пробуду там всю ночь.

* 9 января ст. ст. — 22 января н. ст. — *Ред.*

Началось собрание. Говорить о Владимире Ильиче было трудно, как всегда в момент слишком больших потрясений. То, что я говорил, записано стенографически и, кажется, невольно вылилось в речь достаточного воодушевления, так как В. В. Маяковский, с которым я встретился сейчас же по окончании моего выступления, крепко пожал мне руку, сказал мне: «Хорошо говорили». Настроение собравшегося студенчества было чрезвычайно торжественное, приподнятое и глубоко омраченное.

На Павелецкий вокзал я приехал, как было условлено, к 9 часам. Заведующий поездом сказал мне, что специальный поезд пойдет только в 10, но что он уже подан. Я вошел в почти пустой вагон, там сидел только т. Нариманов, один из председателей ЦИК Союза, и какой-то его ближайший сотрудник. Но очень скоро после меня пришли товарищи из ЦКК — Гусев, Шкирятов, Киселев, с ними пришел и поэт Демьян Бедный. Поезд отправился на самом деле в 11 часов и шел полчаса, так что мы имели больше двух часов для разговора. Разговор вертелся, конечно, вокруг Владимира Ильича и был полон воспоминаниями о нем <...>

Когда мы приехали на станцию, то оказалось, что нас довольно много. Кроме делегации от партии, в которую входил и я, была еще делегация от Московской ее организации, от ВЦСПС, все наличные в Москве члены ЦКК, делегации обоих съездов Советов, всего человек, я думаю, 40, если не 50. Были и некоторые наркомы, приехавшие по собственному почину, в том числе т. Красин. На станцию было послано 3 или 4 подводы, приблизительно человек на 16. Я понадеялся на свои силы и пошел вместе с большинством пешком.

Уже давно я освободился от приступов сердечной боли, которые прежде не давали мне возможности ходить далеко, и поэтому рассчитывал и сейчас благополучно пройти 4 версты. Но, по-видимому, впечатление от смерти учителя было слишком сильно, и, пройдя несколько сот шагов, я почувствовал сильную боль в аорте. Пришлось, не говоря ни слова ни одному из товарищей, пропустить их всех вперед себя и очень медленно и осторожно пуститься в дальнейший путь. Я вынужден был останавливаться каждые сто—пятьдесят шагов. Ввиду этого я пришел в Горки с опозданием, но зато пережил несколько торжественных минут, которые слились для меня как-то со всеми впечатлениями этой ночи. Ночь была очень морозная, но безветренная. Идти было совсем не холодно. Светила необыкновенно яркая луна, так что вся громадная равнина расстилалась синевато-серебряной пеленой, куда глаз хватит. Дорога была укатана и разметена. Несколько раз я встречал крестьян, которые по чьему-то приказу расширяли и утрамбовывали эту дорогу для пронесения гроба на другой день. Идешь, и еще долго сзади раздаются шуршание лопат и сдержанные, словно в церкви, речи рабочих. Так один среди необъятного поля, под этой спокойной холодной луной я мог хорошенько вспомнить, обдумать и приспособиться как-то к огромному горю, на всех нас обрушившемуся.

Дорога в Горки идет большими зигзагами. Когда я вышел на шоссе, то не знал, куда повернуть. Встретился маленький мальчик, и я спросил его без большой надежды на точный ответ: «Ты не знаешь, куда идти к даче Ленина?» Но мальчик сейчас же бойким голосом очень точно и подробно рассказал мне, как туда пройти. Недалеко от дачи входишь в лес. Сначала он имеет вид обыкновенного, довольно запущенного леса, потом превращается в очень длинную, с версту, пожалуй, аллею елей. По дороге есть какие-то дачи. Над ними ярко горело электричество. Я несколько раз думал, что это и есть дача, в которой лежит великий покойник, но оказывалось, что я ошибался. Наконец дошел я до Горок. Ленин жил в центральном доме целой группы зданий. Здесь, очевидно, жил какой-то большой помещик и жил с большой роскошью. Центральный дом представлялся настоящим дворцом с величественной колоннадой. Его немножко тяжеловатая, но

ЛЕНИН, Н. К. КРУПСКАЯ, А. И. ЕЛИЗАРОВА С ПЛЕМЯННИКОМ
ВИКТОРОМ УЛЬЯНОВЫМ И ДОЧЕРЬЮ РАБОЧЕГО ВЕРОЙ В ГОРКАХ

Начало августа 1922 г.

Фотография В. В. Лободы

все же ампирно-стройная громада под бледно-синим светом луны казалась достойным мавзолеем. По широкой лестнице входил внутрь дома. Так как я опоздал сильно, то все товарищи уже повидали к этому времени Владимира Ильича и сидели кто где может, на стульях, диванах, просто на полу. Были тут и крестьяне, и из числа представителей съездов, были и некоторые делегаты восточных народов. Царила абсолютная тишина. Кто говорил, говорил шёпотом. Распоряжался т. Беленький из ГПУ, который во все последние месяцы был, так сказать, заведующим охраной Владимира Ильича. Позднее общее распоряжение перешло к т. Лашевичу, члену ЦК. Тов. Беленький показал мне, куда пройти к телу. Это на втором этаже, куда входят по довольно большой лестнице, сперва в комнату, такую же ампирно-нарядную, как и зала нижнего этажа, увешанную старыми картинами, все главным образом во вкусе тридцатых годов, потом в комнату, где покоится Владимир Ильич. Эта не очень большая овальная комната была к этому времени уже убрана вечнозелеными растениями, хвойными, пальмами и лаврами. Владимир Ильич лежал в коричневом френче, необыкновенно спокойный, и лицо его сразу меня поразило и, если можно так выразиться, как бы обрадовало. <...> Я бессознательно боялся, что увижу его каким-то чужим, а вместо этого на столе

лежал наш Ленин, наш Ильич, абсолютно такой, каким он был до своей болезни, только не улыбающимся. А ему была так присуща эта живая лукавая и ласковая улыбка. Но, конечно, приходилось нам видеть его и серьезным. Вот таким лежал он тут на столе. Лицо величественное, властное, сильное, с той же бородкой и подстриженными усами, закрытыми глазами, но такими, которые, казалось, вот-вот откроются. И руки положены на груди, одна сжатая в кулак, другая естественно и спокойно слегка согнутая в пальцах, казались тоже совершенно живыми. <...> Казалось, что это только на минуту уснувший вождь. Казалось, что, пока стоишь около него, он вдруг откроет глаза и скажет, может быть, что-либо вроде того, что сказал он мне в дни своего ранения Каплаи.

Кстати приведу эту небольшую сцену. Поздно вечером в день ранения, почти ночью, я прибежал в квартиру Ленина, чтобы узнать, как он себя чувствует. Застал врачей, некоторых товарищей и Надежду Константиновну. Надежда Константиновна была тогда очень потрясена, как и все мы. Говорила, что Владимир Ильич тяжело страдает, но вдруг, не знаю по какому мотиву, предложила мне пройти к нему. Я сначала поколебался. Я вошел в полутемную комнату и увидел Владимира Ильича, лежащего под одеялом, но с лицом совершенно таким, как я видел его теперь мертвым. Он был страшно бледен. Глаза его были закрыты. <...> Все же он услышал, что кто-то вошел в комнату и, не открывая глаз, спросил: кто здесь. Я назвал свою фамилию. Тогда Владимир Ильич сказал: «Что же, любоваться нечем. Штука неприятная». <...> Я постарался скорее выйти из комнаты. И вот так же казалось мне и теперь, что может совершиться какое-то чудо и этот спокойно, но с какой-то давящей его думой лежащий человек откроет глаза и скажет: «Неприятная штука».

Был организован почетный караул, каждые десять минут сменявшийся. В каждый караул входили четыре товарища из присутствующих. Мне пришлось быть на карауле одним из первых, и я имел возможность долго всматриваться в это и без того, впрочем, незабвенное лицо. Когда я кончил караул, вышла из своей комнаты Надежда Константиновна. Она присела ко мне и к товарищу Пятакову и стала рассказывать о Владимире Ильиче вещи очень любопытные и существенные. Некоторые из них я хочу передать здесь.

Надежда Константиновна говорила: «Я не думаю, чтобы даже в эти тяжелые, последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным. В нем жила надежда на то, что он приобретет вновь речь. Он деятельно и страстно учился, так сказать, вцеплялся в занятия. С тех пор, как он получил возможность читать, он с большим интересом читал газеты, выбирал то, что для него особенно важно. Особенно любил все фактическое и <...> статьи, имеющие агитационное значение. В последнее время стал читать и беллетристику. Ему принесли большую грудку книг, и он отобрал себе исключительно вещи Джека Лондона, которые и просил читать ему вслух. Политический интерес преобладал все время над всеми остальными. С глубоким интересом относился Владимир Ильич к крестьянской конференции. Читал все, что сюда относилось. Вздволнован был по поводу дискуссии. <...> Затем подчеркивал часто разные фамилии и спрашивал: „Что, что?“. Не позже, как на другой день, нужно было дать ему сведения об этих лицах. Так он подчеркнул фамилию Аксельрода, Богданова и некоторых других. Интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами. Жизнь давала ему некоторые несомненные радости. Очень любил природу, любил ездить на охоту. Ездил с каким-то товарищем Михайловым и получал большое удовольствие, хотя иногда и переутомлялся. <...> Очень любил детей. Когда

ЛЕНИН И КРУПСКАЯ В ГОРКАХ

Август — начало сентября 1922 г.

Фотография М. И. Ульяновой

приходили к нему дети, то радовался. А дети, не понимая его тяжелой болезни, относились к нему просто, без всяких опасений и неловкостей».

Для развлечения Владимира Ильича был устроен комнатный кинематограф. Он охотно соглашался после обеда вместе с Надеждой Константиновной и сестрой смотреть это кино, но большого удовольствия оно ему не доставляло. Он иронически смеялся и махал рукой. Действительно программа этих кино вечеров в Горках была, по словам Надежды Константиновны, ниже всякой критики. Редко, редко какой-нибудь кусочек хроники или более или менее революционная постановка вызвали некоторое одобрение Ильича, но, полагая, что все его домашние

ИЗДАНИЕ РЕЧИ ЛУНАЧАРСКОГО, ПРОИЗНЕСЕННОЙ В ДЕНЬ ПОХОРОН ЛЕНИНА, С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
Н. К. КРУПСКОЙ

«Дорогой Надежде Константиновне
Крупской. 10/III»

*Дорогой Надежде Константиновне
Крупской*

10/III

ЛЕНИН

Речь, произнесенная в день похорон на общем собрании работников искусства Москвы
А. В. ЛУНАЧАРСКИМ.

очень интересуются этим кино, он сам с поспешной любезностью всегда соглашался посидеть и посмотреть. Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног. В первый раз когда Владимир Ильич решил пойти сам, он выгнал из комнаты решительно всех, а потом показал со сконфуженной и счастливой улыбкой Надежде Константиновне, что он может ходить. <...>

Ночь мы провели кое-как. <...> Рано утром все поднялись, и начались разговоры о том, как и кому выносить гроб. Гроб оказался страшно тяжелым и вместе с телом весил более 10 пудов. Боялись относительно спуска с лестницы, тем более что простынь или длинных полотенец не оказалось. Выбрали первую очередь несущих, а потом решили вступать по очереди и другие определенными группами по 9 человек мужчин, несущих гроб. <...> Всякий добивался чести пройти хоть одну очередь с гробом Владимира Ильича.

В начале десятого часа шествие тронулось. Вышло так, что я большую часть дороги, на этот раз без всякой сердечной боли, шел с крестьянами и крестьянками соседних сел. <...> Ясно, что приходили, привлеченные великим словом Ленин, и совсем темные люди. Были, конечно, просто любопытствующие, но в огромном большинстве были люди, потрясенные и огорченные, сознающие понесенную утрату. На этот раз 4 версты сделаны были так великолепно и мы скоро пришли на вокзал. Едва я сел в вагон, как меня попросили в другое купе <...> Оказалось, что возник вопрос о приглашении художников и скульпторов. Мы сейчас же наметили из московских художников Юона, Малютина, Ульянова, Голубкину и

решили выписать из Петербурга Гинцбурга. <...> Позднее к этим лицам были прибавлены еще граверы Гознака Ксидиас и Шор.

От Павелецкого вокзала до Дома Союзов приблизительно 6 верст. Я удивлялся Надежде Константиновне, которая оба больших куска от Горок до железной дороги и от вокзала до центра города прошла пешком. По бокам с ней шли Мария Ильинична и Анна Ильинична.

Как в Горках, так и во время пути даже с аэропланов производили кинематографические и фотографические съемки. Они были произведены немедленно по установлении гроба посреди пылающей покрытыми флером люстрами залы. Опять установлен почетный караул, и потянулось нескончаемое, все более густое шествие, можно сказать, целого народа вокруг покойного. В первый же день при мне, а я оставался в зале не так долго, было два обморока среди проходившей публики. Установлен был даже медицинский пост для подачи помощи в этих случаях. В этот день мне пришлось еще два раза быть в почетном карауле и один раз ночью. Лицо Владимира Ильича мало изменилось, пожалуй, даже никаких изменений не было заметно. Он был также и тут таким, каким я видел его в Горках.

Публикуется впервые. ЦПА ИМЛ, ф. 142, оп. 1, ед. хр. 6, лл. 30—41.